

О.Е. Петрунина

**50 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ РОССИИ:
ПОРТРЕТ РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТА XIX в.
И.Э. ПЕРСИАНИ**

...Дабы тем охоту подать к службе, и оным честь,
а не нахалом и тунеядцом получать.

Табель о рангах

XIX столетие — время расцвета модели российской государственной службы, основы которой были заложены Петром I. Современному читателю негативные стороны этой модели известны гораздо лучше, чем позитивные, поскольку они были подвергнуты едкой критике русской классической литературой. Один из этих недостатков — наличие обширного бумажного документооборота — является чрезвычайно ценным преимуществом в глазах историка. Скрупулезное делопроизводство с последующей тщательной архивацией служебных материалов дает исследователю возможность детального изучения различных аспектов функционирования государственной службы в конкретно-исторической плоскости: а именно на материалах служебных биографий конкретных чиновников. Цель данной статьи состоит в том, чтобы, дав пример такого исследования, раскрыть информационные возможности архивных фондов, где хранятся личные дела чиновников, с точки зрения изучения истории российской государственной службы.

В качестве объекта исследования нами была избрана фигура Ивана Эммануиловича Персиани — одного из многочисленных иностранцев, принятых на русскую службу. Его карьерный рост на протяжении 50 лет службы (1816—1866) можно назвать типичным: он был обусловлен не личными связями или выдающимися подвигами, а обычным порядком продвижения по служебной лестнице, который определялся усердием, добросовестным отношением к своим обязанностям и выслугой лет.

Петрунина Ольга Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

И.Э. Персиани родился в семье грека-фанариота в 1791 г. Его отец, Эммануил Иванович Персиани, как он сам о себе свидетельствует, получил модное тогда среди греков медицинское образование и даже имел практику в Константинополе. Однако перспектива сделать карьеру на государственно-административном поприще показалась ему более привлекательной. Для образованных греков Османской империи такие возможности были связаны преимущественно с дипломатической службой. Эммануил Персиани, знавший несколько языков, по его собственным словам, принимал участие в первом постоянном посольстве Порты в Лондоне, занимая в нем пост советника. За отличную службу султан «пожаловал ему титулы и привилегии специальным бератом»¹. Впоследствии Э.Персиани занимал различные должности при дворе К. Ипсиланти² в Молдавии, а затем в Валахии. Там он влился в ряды довольно многочисленной греческой общины, сложившейся к тому времени в Дунайских княжествах.

Однако в начале XIX в. для местных греков наступили нелегкие времена. В 1806 г. началась очередная русско-турецкая война. Греки, традиционно составлявшие в Молдавии и Валахии часть правящей элиты, оказались втянутыми в военно-политические события, разворачивавшиеся на территории княжеств. Те из них, кто пошел на сотрудничество с Россией, дорого за это заплатили: османские власти, под верховным суверенитетом которых находились в то время княжества, не простили им измены. Уже в 1806 г. бывший валашский господарь К. Ипсиланти со своей семьей, а также его приближенные, в числе которых был и Эммануил Персиани, вынуждены были эмигрировать, спасая свою жизнь и сетуя на «всегда непостоянную политику Порты»³. Спасти от конфискации свое имущество им не удалось. Опись конфискованного имущества была представлена Персиани в Российскую миссию в Константинополе, поскольку он надеялся вернуть утраченное при покровительстве России⁴. Однако с началом греческой революции 1821 г. всякая надежда восстановить свои позиции при султанском дворе исчезла окончательно. В связи с таким развитием событий Э. Персиани в 1822 г. сумел выхлопотать у российского императора ежегодный пенсioen в 2 тыс. руб., который по его смерти в 1839 г. по ходатайству новороссийского и бессарабского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова был продлен его вдове⁵.

С началом русско-турецкой войны многие политэмигранты из Дунайских княжеств получили пристанище в России. Кроме того, при зачислении на государственную службу в России им

жаловались классные чины^б в соответствии с их социальным происхождением и чином, который они имели на родине. Вернуться на родину им уже было не суждено: по условиям Бухарестского мирного договора 1812 г. Порта сохранила верховный суверенитет над княжествами.

В России Персиани продолжали поддерживать отношения со своим покровителем князем К. Ипсиланти, обосновавшемся в Киеве. Там он провел последние годы жизни и в 1816 г. скончался. Незадолго до смерти он успел оказать важную услугу некоторым грекам, прибывшим вместе с ним в Россию, снабдив их рекомендательным письмом для поступления на российскую службу. В письме он дал рекомендации своим зятям Александру Негрису и Константину Катакази, Эммануилу Персиани и его сыну Ивану, а также брату своего зятя Гавриилу Катакази. Интересна судьба двух последних: оба они прибыли в Россию подростками вместе с К. Ипсиланти, одновременно подали прошения о принятии их на российскую службу, впоследствии много лет рука об руку трудились в Российской миссии в Афинах. По рекомендации К. Ипсиланти (документы служебной переписки постоянно ссылаются на его письмо) все протежируемые им лица были приняты в российское подданство и пожалованы просимыми чинами. 9 сентября 1815 г. они были приведены к присяге в Исаакиевском соборе⁷.

Указанное письмо К. Ипсиланти содержит интересные сведения о семьях Персиани и Катакази, о их социальном положении, о сотрудничестве с Россией во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Из него же известно, что последним постом, который занимал Эммануил Персиани, был пост гетмана Валахского княжества. В иерархии военных чинов княжества этот чин был вторым после воеводы (господаря). Во время русско-турецкой войны, как свидетельствует К. Ипсиланти, он «с большим рвением послужил снабжению армии, содержанию госпиталей, экипировке и вооружению войск, сформированных в Валахии по приказу Его Императорского Величества»⁸.

Нами пока обнаружено мало источников, раскрывающих подробности жизни семьи Персиани в России. Известно лишь, что она жила в Одессе и ее материальное положение оставляло желать лучшего. В связи с этим Э. Персиани, получивший по рекомендации К. Ипсиланти чин действительного статского советника, решил просить Александра I о зачислении на российскую службу. Он обратился к императору с письмом, из которого мы узнаем некоторые уже указанные подробности его биографии⁹. Э. Персиани спрашивал для себя должность карантинного ин-

спектора в Одессе, «надеясь соделаться к оном месте полезным Высочайшей службе, по давнему упражнению своему в медицине, по привычке к признакам заразительной болезни (речь идет о чуме. — *О.П.*) и к средствам предохранения от оной, и по знанию языков тех наций, которые наиболее посещают тот край», — так было изложено соответствующее место прошения в записке, представленной 24.05.1816 г. в Комитет министров за подписью К.В. Нессельроде¹⁰. Однако в тот момент вакантного места не нашлось и на заседании Комитета министров было решено «употребить действительного статского советника Персиани на службу, когда откроется приличная званию его вакансия»¹¹. Как явствует из другого документа, впоследствии Э. Персиани действительно служил «по карантинной части» в Одессе до самой своей смерти в 1838 г. и даже принял деятельное участие в ликвидации знаменитой одесской чумы 1837 г.¹²

Между тем рекомендательное письмо К. Ипсиланти, скорее всего, сыграло определяющую роль в решении императора зачислить двух молодых греков — И. Персиани и Г. Катакази — в штат Коллегии иностранных дел. В тексте указа от 11 февраля 1816 г., направленного Сенату, значилось: «Въехавших в Россию с бывшим Господарем княжества Валахского кн. Ипсилантием, тамошних чиновников Гавриила Катакази и Ивана Персиани, пожалованных в Коллежские Советники, повелеваем определить в нашу службу и причислить в ведомство Государственной Коллегии иностранных дел с жалованьем по чину из общих государственных доходов»¹³. Зачисление на службу с возведением сразу в столь высокий — шестой — ранг вместо начального четырнадцатого объяснялось тем, что в России политэмигранты из Османской империи и вассальных государств получали ранги, аналогичные тем, которые они имели на родине. К. Ипсиланти подтверждал, что в Валахии И. Персиани, и Г. Катакази принадлежали к числу каминаров¹⁴, и потому просил «в соответствии с тем соотношением, которое соблюдалось прежде и в последнее время касательно большинства валахских и молдавских бояр, а также греческих иммигрантов»¹⁵ предоставить им ранг коллежского советника. Поступление на государственную службу требовало принесения соответствующей присяги. Архивное дело сохранило текст присяги, подписанный И. Персиани и Г. Катакази 30 марта 1816 г.¹⁶

Интересно отметить, что никаких документов нормативного характера, фиксирующих то самое «соотношение», о котором писал К. Ипсиланти, нами обнаружено не было. Их не смог

обнаружить также и статс-секретарь Н.Н. Муравьев, которого в 1827 г. (т.е. через 12 лет после этих событий) заинтересовал вопрос: «Какими чинами принимались в российскую службу иностранцы из краев Молдавии, Валахии и Сербии?»¹⁷. Еще интереснее тот факт, что управлявший Министерством иностранных дел с 1816 г. канцлер К.В. Нессельроде, которому был адресован этот вопрос, не смог сразу на него ответить! Ему потребовалось время, чтобы собрать необходимую информацию о таких иностранцах, среди которых на первом месте оказались уже известные нам лица, принятые в российское подданство и получившие чины в 1815 г. по рекомендации К. Ипсиланти. Однако найти документ, обосновывающий присвоение им именно таких, а не иных чинов, не удалось и сотрудникам Нессельроде. В результате лишь в 1827 г. появилась на свет за подписью К.В. Нессельроде таблица соответствия валашских и молдавских боярских должностей российским классным чинам¹⁸. Таким образом, никакого нормативного акта либо официального соглашения о порядке присвоения чинов политэмигрантам не существовало. А в комментарии к указанной таблице говорилось: «...Вообще Молдаванам, Волохам и Сербам давались от нас чины не потому, что они имели в своем отечестве то или другое звание, но во уважение оказанных нам услуг и в соразмерности с степенью уважения, коим каждое лицо пользовалось в своем крае, и с влиянием онаго на дела своих соотчичей»¹⁹. И все же указанное К. Ипсиланти «соотношение», скорее всего, существовало, но не официально. И оно отличалось от таблицы Нессельроде: все протезируемые К. Ипсиланти греки получили чины выше, чем следовало бы в соответствии с таблицей.

Заметим, что пожалование высокого ранга из политических соображений не означало автоматического назначения на высокую должность. Начинать служебную карьеру все равно надо было сначала. И потому причисленный к ведомству КИД (после 1830 г. МИД), Персиани вскоре получил первое назначение в качестве канцелярского служителя Российской миссии при Германском союзе, располагавшейся во Франкфурте-на-Майне. Соответствующий указ был подписан 11 января 1817 г.²⁰ Получение следующего ранга не было напрямую связано с занятием более высокой должности: продвижение в классных чинах определялось выслугой лет, происхождением и уровнем образования. При отсутствии служебных взысканий чиновник мог рассчитывать на получение следующего ранга по истечении определенного срока. Для потомственных дворян сроки пребывания в каждом ранге были несколько сокращены. Сокращались

эти сроки и для лиц с высшим образованием, а для чиновников, не имевших даже среднего, наоборот, повышались. Получение следующего ранга досрочно было возможно лишь в исключительных случаях, а «перескочить» через ранг было и вовсе невозможно. Начиная с четвертого ранга никакого срока пребывания в чинах не устанавливалось: их пожалование определялось исключительно волей государя. Персиани получил ранг статского советника (V) в 1828 г., действительного статского советника (IV) в 1844 г., тайного советника (III) в 1857 г. и, наконец, действительного тайного советника (II) лишь в 1866 г. в связи с выходом в отставку.

В служебных назначениях И. Персиани, как и других дипломатических служащих, большую роль играло знание иностранных языков. Помимо общеобязательного французского и русского он владел немецким, греческим и, вероятно, также валашским. Переписку личного и политического характера И. Персиани вел, как тогда было принято, по-французски, знание немецкого было необходимо для дипломатической службы в германских государствах и весьма желательно в 1833—1843 гг. в Греции, где немецкий был тогда вторым государственным языком. О знании русского свидетельствует, например, представленное им «доношение» о явке на службу из отпуска 29 апреля 1830 г.²¹ Наконец, о владении греческим он сам говорит в своих «Рассуждениях о Греции», о которых речь пойдет ниже.

И. Персиани хорошо себя зарекомендовал на одной из низших в миссии должностей и потому вскоре был повышен: по представлению посланника барона И.О. Анстета в 1818 г. он получил освободившееся место секретаря миссии, на котором оставался до 1829 г. Указ об этом назначении был подписан Александром I 1 ноября 1818 г. в Ахене²², где император находился в связи с очередным конгрессом Священного союза. В 1825 г. И. Персиани женился. Женильба чиновников рассматривалась тогда в России как дело особой важности, для совершения которого требовалось испросить согласие начальства. Благодаря этой процедуре мы знаем и имя первой жены И. Персиани: ею стала Роксандра Мурузи²³, представительница знатной греческой фамилии, оказавшейся в России по тем же причинам, что и семейство Персиани. В приданое за нею Персиани получил 3 тыс. десятин земли в Бендерском цинуте (уезде) в Бессарабии. Роксандра рано умерла, и Персиани остался полноправным хозяином этого владения. Земля в Бендерском цинуте, как явствует из «Описания Бессарабской области», составленного коллегой Персиани по дипломатическому ведомству Павлом

Свиньиным в 1816 г., представляла собой степь с плодородными почвами, удобную для земледелия. Проблема заключалась в дефиците рабочих рук вследствие малонаселенности тех мест²⁴. И действительно, земля, доставшаяся Персиани, была ненаселенной, а потому стояла необработанной.

Формулярные списки чиновников, обновлявшиеся каждый раз при подаче документов на получение знаков отличия за беспорочную службу, сохранили сведения об отпусках Персиани. Понятие ежегодного отпуска тогда отсутствовало, и отпуски предоставлялись чиновникам по мере необходимости: для поправки здоровья, по семейным обстоятельствам и т.п. В зависимости от обстоятельств отпуск мог быть предоставлен на несколько месяцев и даже на год, причем с полным сохранением содержания. Первый раз прошение об отпуске Персиани подал в 1825 г., вероятно, в связи с женитьбой. Сохранился проект депеши от 22 июля 1825 г. о предоставлении ему четырехмесячного отпуска²⁵. В сентябре того же года мы находим Персиани в Кишиневе. Следующий отпуск по семейным обстоятельствам Персиани потребовался в 1828 г., и в сентябре того же года он уехал на шесть месяцев сначала в Одессу к родителям, а затем в Молдавию улаживать свои имущественные дела²⁶. Однако вовремя вернуться из отпуска он не смог. О причинах своей задержки Персиани докладывал своему начальнику посланнику во Франкфурте. В феврале 1829 г. он писал И.О. Анстету о том, что решение имущественных вопросов семьи ему не удалось завершить за время отпуска. Он просил своего шефа ходатайствовать о его переводе куда-нибудь поближе к месту проживания родных и о продлении отпуска еще на полгода. В случае невозможности перевода в более удобное место он просил уволить его с должности секретаря миссии во Франкфурте²⁷. Отпуск был продлен, отставка принята и Персиани причислен к делам КИД, в связи с чем ему надлежало отправиться в Петербург²⁸. Но явиться вовремя к месту службы он опять не смог. На этот раз препятствием послужила эпидемия. Как явствует из его письма на имя К.В. Нессельроде и оправдательной записки, составленной им в связи с опозданием на службу, противоэпидемические карантинные меры не позволили ему покинуть охваченный эпидемией район. И небезосновательно: Персиани сам стал жертвой болезни²⁹. Чтобы не платить штраф в размере годового жалования за необоснованное отсутствие на службе, Персиани представил медицинские свидетельства докторов из Ясс и Одессы, где он проживал во время затянувшейся на несколько месяцев болезни³⁰. После 1830 г. Персиани, как указывается в его формуляре, «вне службы и в отпусках не был»³¹.

В 1831 г. Персиани был назначен первым секретарем в недавно созданную миссию при Греческом королевском дворе³² и прослужил в этой должности почти до конца 1843 г. С 1833 г. он служил под началом своего старого знакомого Г. Катакази, назначенного чрезвычайным посланником и полномочным министром в эту страну. Впечатления Персиани о первых годах работы в Греции были им изложены в аналитической записке «Рассуждения о Греции с момента прибытия короля до конца 1834 года», представленной в 1835 г. директору Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникину. В этом пространном сочинении объемом свыше 200 листов содержатся характеристики всех основных политических фигур молодого греческого государства, воспоминания очевидца о важнейших политических событиях 1833—1834 г., ценные сведения о греческой экономике, финансах, армии, общественной жизни³³.

В 1836 г. Персиани был повышен в должности до старшего секретаря. Все это время он не покидал места службы. В этом и не было необходимости: семейные дела Персиани утряслись. Его вторая жена Смарагда в 1841 г. родила двоих сыновей — Виктора и Александра, вскоре крещеных в русской посольской церкви в Афинах³⁴. В 1858—1862 гг. оба брата обучались в Императорском Александровском лицее и были выпущены с присвоением чина коллежского секретаря (X кл.). Оба пошли по отцовским стопам и были назначены на службу в Азиатский департамент МИД, причем в 1866 г. Александр получил должность младшего секретаря миссии в Афинах, где много лет служил его отец³⁵.

Новое назначение И. Персиани было связано с позицией России в связи с происшедшей в Греции 3 сентября 1843 г. революцией, вызвавшей смену политического режима: из абсолютной монархии страна превратилась в дуалистическую. Демонстрируя свое отношение к этим событиям, в Петербурге решили понизить ранг российского дипломатического представителя в Греции с посланника до поверенного в делах. На последнюю должность был назначен Персиани: трудно было найти человека, имевшего большой опыт дипломатической работы в этой стране. Бывший посланник Г. Катакази, чье поведение во время революционных событий вызвало недовольство начальства, был не только отозван, но и отправлен в отставку и восстановлен на службе лишь через год.

Крымская война стала важным рубежом в истории отечественной дипломатии. По окончании войны в МИДе были проведены существенные кадровые перестановки, коснувшиеся и Персиани. В 1857 г. он был назначен чрезвычайным посланни-

ком и полномочным министром при Ганноверском и Ольденбургском дворах и в этой должности находился до конца своей служебной карьеры. В 1866 г., будучи уже 75-летним человеком с пошатнувшимся здоровьем (о чем свидетельствует дрожащий почерк писем этого времени), он подал прошение об отставке. Возможно, на его решение покинуть службу повлияли и бурные события в германских государствах в том году. В результате австро-прусской войны великое герцогство Ольденбург вошло в состав Северо-Германского союза, а королевство Ганновер было непосредственно включено в состав Пруссии. 10 сентября 1866 г. Александр II подписал указ об увольнении И.Э. Персиани от службы с производством в действительные тайные советники и выплатой ежегодной пенсии в 6 тыс. руб.³⁶

Особое место в карьере российского чиновника занимали награды. Награждение проводилось орденами, памятными медалями и знаками. Награды могли выдаваться как за заслуги, так и за выслугу лет. В послужном списке И.Э. Персиани есть и те и другие. В 1821 г. он был награжден орденом св. Владимира 4-й ст. «в воздаяние ревностной службы Вашей и особенных трудов, начальством засвидетельствованных», — как говорилось в монаршем указе³⁷. Орден этот, несмотря на низкую степень, ценился высоко, поскольку давался исключительно за заслуги: даже великие князья, получавшие при рождении орден св. Андрея Первозванного и тем самым становившиеся кавалерами большинства других российских орденов, не получали св. Владимира автоматически. Ценность этого ордена была столь велика, что, например, Николай II, имевший все высшие ордена по рождению, возложил на себя владимирский крестик 4-й ст. лишь через 25 лет выслуги в офицерских чинах³⁸.

В 1825 г. «в награду отличного усердия к службе»³⁹ Персиани был награжден орденом св. Анны 2-й ст., затем получил знаки того же ордена, украшенные императорской короной, что повышало его достоинство (1838 г.). В 1841 г. он был «во внимании к постоянно-ревностной службе и трудам его, начальством засвидетельствованным, Всемилостивейше пожалован Кавалером Святого равноапостольного Князя Владимира 3-й степени»⁴⁰. Потом Персиани был награжден орденом св. Станислава 1-й ст. (1850 г.), орденом св. Анны 1-й ст. (1854 г.) — эта степень ордена могла быть пожалована только генералам. В самом деле, Персиани в то время был действительным статским советником, что соответствовало армейскому генерал-майору. Затем последовало награждение орденом св. Владимира 2-й ст. (1862 г.). Наконец, в 1866 г. За 50 лет службы в МИДе ему был пожалован орден Белого орла — одна из высших государственных

ных наград. Этот польский орден в 1831 г. занял почетное место в иерархии российских орденов. Другие высшие ордена — св. Александра Невского, св. Владимира 1-й ст. и св. Апостола Андрея Первозванного — И.Э. Персиани получить не успел. К тому же для двух последних существовал особый порядок награждения. Помимо орденов Персиани был награжден также медалью в память о Крымской войне.

В XIX в. в России сложилась своя иерархия орденов, в соответствии с которой проводилось и награждение⁴¹. Порядок, в котором получал свои ордена И.Э. Персиани, в общем соответствовал этой иерархии, хотя имелись и некоторые особенности. Легко объяснить, почему среди его наград отсутствует орден св. Станислава 3-й и 2-й степеней. Этот орден был введен в общероссийскую наградную систему только после польского восстания 1830—1831 гг., до этого им награждались исключительно поляки. Персиани же к тому времени уже был аннинским кавалером 2-й ст., т.е. имел более высокий орден по сравнению с указанными степенями св. Станислава. Среди наград Персиани отсутствуют также две низшие степени ордена св. Анны. Причина отсутствия 4-й степени понятна: фактически она существовала в форме наградного оружия, которым гражданский чиновник награжден быть, естественно, не мог. Что же касается 3-й степени, с которой начиналось награждение гражданских чиновников в те годы, то ее отсутствие можно объяснить лишь тем, что «особенные труды» Персиани были оценены выше и «потянули» сразу на орден св. Владимира 4-й степени.

В Российской империи награждение орденом было равносильно вступлению в своего рода почетное братство, члены которого получали определенные привилегии: например, они могли получать дополнительную пенсию, им сокращался срок выслуги следующего чина и др. Однако помимо привилегий у них существовали также обязанности. В частности, при получении ордена они должны были оплатить не только стоимость орденских знаков, но и внести в кассу Капитула Императорских Российских орденов определенную сумму в качестве пожертвования на богоугодные заведения, которые содержались за счет Капитула. Сумма эта менялась с течением времени и была тем выше, чем выше было достоинство ордена. Так, при получении ордена св. Владимира 4-й ст. Персиани внес в Капитул 30 руб., за орден св. Анны 2 й ст. — 100 руб. и т.д.

Помимо российских Персиани был удостоен также многих иностранных орденов, полученных в основном в тех государствах, где проходила его дипломатическая служба. За время службы в миссии при Германском союзе он получил от Великого

герцога Баденского орден Льва Церингенского. Будучи поверенным в делах в Греции, он получил командорский крест ордена Спасителя — высшей государственной награды этой страны, а турецкий султан наградил его орденом Нишан-Ифтигар. В годы службы посланником при Ганноверском и Ольденбургском дворах он получил награды и этих государств: ганноверский орден Гвельфов и орден Ольденбургского дома 1-й ст.

Императором Николаем I в 1827 г. была введена еще одна награда за выслугу лет: знак отличия беспорочной службы. Он жаловался за 15, 20, 25, 30, 35, 40, 45 и 50 лет беспорочной службы военным — на георгиевской ленте, гражданским чиновникам — на владимирской, поскольку орден св. Георгия в России выдавался исключительно за боевые подвиги, а орден св. Владимира — и за гражданские заслуги тоже. При получении знака высшего достоинства предыдущий возвращался. Из формулярных списков И.Э. Персиани, которые обновлялись каждый раз при получении очередного знака, мы узнаем о получении им знаков отличия беспорочной службы начиная с 15-тилетнего достоинства. Награжденные этим знаком должны были носить его постоянно, демонстрируя тем самым, что начальство — а знак жаловался по представлению министра — высоко ценит их трудолюбие, опыт и моральные качества.

Таким образом, ко времени выхода на пенсию бедный политэмигрант превратился в важного государственного сановника. Его служебная карьера — результат усердия и личных заслуг, которые не оставались без внимания начальства. Архивные документы достаточно подробно освещают не только различные этапы его карьеры, но и содержат много интересных материалов, важных для исследования истории государственной службы дореволюционной России. Они помогают лучше понять, как функционировала система взысканий и поощрений, какую важную роль служба играла в жизни семьи чиновника, как на практике происходил карьерный рост.

Изучение служебной биографии И. Персиани раскрывает перед нами не столько отрицательные стороны российской бюрократии, сколько положительные. Социальная защищенность чиновничества (в той мере, в какой о ней можно говорить применительно к XIX в.), многоплановая система поощрений, стабильность госслужбы как института способствовали формированию слоя кадровых служащих, в частности, дипломатов, с высоким уровнем общеобразовательной и профессиональной подготовки, способных достойно и грамотно решать стоявшие перед ними задачи во благо Российской империи.

Примечания

- ¹ АВПРи. Ф. 161. IV—1. Оп. 117. Д. 1—1816. Л. 1.
- ² Константин Ипсиланти (1760—1816) — представитель знатной греческой семьи, великий драгоман Порты (1796—1799), господарь Молдавии (1799—1802) и Валахии (1802—1806). Русское правительство предполагало поставить его во главе обоих княжеств одновременно и тем самым объединить их под влиянием России. Однако К.Ипсиланти вел собственную политическую игру: в России стали известны его сношения с Францией и Османской империей. В результате объединительный план провалился и экс-господарь оказался в эмиграции, а его отец, Александр Ипсиланти-старший, оставшийся во власти турок, поплатился головой.
- ³ АВПРи. Ф. 161. IV—1. Оп. 117. Д. 1—1816. Л. 1об.
- ⁴ Эта опись упоминается в «Списке прошений, по которым докладывалось государю 28 декабря 1826 г.». См.: АВПРи. Ф. 161. III—1. Оп. 94. Д. 1—1826. Л. 6об.—7.
- ⁵ АФПРи. Ф. 161. IV—8. Оп. 128. Д. 1—1839. Л. 1—2.
- ⁶ Классными чинами назывались чины, соответствовавшие четырнадцать классов Табели о рангах.
- ⁷ АВПРи. Ф. 161. IV—7. Оп. 126. Д. 2—1815. Л. 2—4, 10—10об.
- ⁸ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—1. Д. 44—1816. Л. 3.
- ⁹ АВПРи. Ф. 161. IV—1. Оп. 117. Д. 1—1816. Л. 1—2.
- ¹⁰ АВПРи. Ф. 161. IV—1. Оп. 117. Д. 1—1816. Л. 5.
- ¹¹ АВПРи. Ф. 161. IV—1. Оп. 117. Д. 1—1816. Л. 6.
- ¹² АВПРи. Ф. 161. IV—8. Оп. 128. Д. 1—1839. Л. 1—1об.
- ¹³ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—1. Д. 44—1816. Л. 4.
- ¹⁴ Вель-каминар (княжеский секретарь) — боярская должность в Дунайских княжествах.
- ¹⁵ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—1. Д. 44—1816. Л. 2.
- ¹⁶ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—1. Д. 44—1816. Л. 7.
- ¹⁷ АВПРи. Ф. 161. III—1. Оп. 94. Д. 3—1827. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Л. 8—10об.
- ¹⁹ Там же. Л. 6об.—7.
- ²⁰ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—4. Д. 19—1817. Л. 1.
- ²¹ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—14. Д. 30—1825. Л. 9.
- ²² АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—4. Д. 15—1818. Л. 1.
- ²³ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—17. Д. 5—1825. Л. 1—2.
- ²⁴ *Свиньин П.П.* Описание Бессарабии // *Stratum plus*. N 6. 2001—2002. С. 391.
- ²⁵ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—14. Д. 30—1825. Л. 1.
- ²⁶ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—7. Д. 41—1828. Л. 2—2об., 7; Ф. 1. Оп. IV—14. Д. 30—1825. Л. 4.
- ²⁷ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—1. Д. 11—1829. Л. 5—7.
- ²⁸ Там же. Л. 15.
- ²⁹ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—14. Д. 30—1825. Л. 5—6, 9, 12—15.
- ³⁰ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—14. Д. 30—1825. Л. 16, 17.
- ³¹ АВПРи. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2602. Л. 8об.
- ³² АВПРи. Ф. 161. IV—2. Оп. 160. Д. 13—1831. Л. 1—2.
- ³³ АВПРи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 66.
- ³⁴ АВПРи. Ф. 161. IV—1. Оп. 117. Д. 65—1862. Л. 3—4.
- ³⁵ АВПРи. Ф. 161. IV—1. Оп. 117. Д. 65—1862. Л. 1, 19; Д. 66—1862. Л. 1, 15; Ф. 159. Оп. 464. Д. 2601. Л. 1—2; Д. 2603. Л. 1—2.

³⁶ АВПРи. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 12. Л. 160.

³⁷ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—9. Д. 21—1821. Л. 25.

³⁸ Дуров В.А. Ордена Российской империи. М., 2002. С. 130.

³⁹ АВПРи. Ф. 1. Оп. IV—9. Д. 8—1825. Л. 1.

⁴⁰ АВПРи. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2602. Л. 8об—9.

⁴¹ В современной литературе имеются необъяснимые разночтения в одном пункте этой иерархии: В.А. Дуров помещает Владимира 4-й ст. между Анной 2-й ст. и Владимиром 3-й ст. (*Дуров В.А.* Ордена Российской империи. М., 2002. С. 158), а Н.Н. Гладков — на две ступеньки ниже, т.е. между Анной 3-й ст. и Станиславом 2-й ст. (*Гладков Н.Н.* История государства Российского в наградах и знаках. Т. 1. М.; СПб., 2004. С. 81). Послужной список Персиани подтверждает правоту второго исследователя.